

ПОНЯТИЕ «МИРОВАЯ ПОЛИТИКА» В СООТНОШЕНИИ СО СМЕЖНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ

.....

М. А. Шебанова¹

Неоднозначность в определении научных понятий во все более комплексном и громоздком категориальном аппарате общественных наук препятствует дальнейшему развитию теории. В частности, в анализе мирового развития не достигнут консенсус среди исследователей по поводу соотношения категорий «мировая политика», «международные отношения», «транснациональная политика» и «глобальная политика». Задачей данной работы является обобщение существующих подходов к определению этих понятий, а также преодоление противоречий, заложенных в некоторых выводах теоретиков.

Ключевые слова: мировая политика, международные отношения, транснациональная политика, глобальная политика, глобализация.

The ambiguity in the definition of scientific notions in the categorical apparatus of social science, which is becoming more and more complicated and voluminous, is an obstacle in the way of the further development of theory. In particular, in the analysis of world development there is not yet achieved the consensus between scientists regarding the definition and correlation of the notions «world politics», «international relations», «transnational politics» and «global politics». The target of this article is to generalize the existing approaches to defining these categories, and to overcome the contradictions of some theoretical findings.

Key words: world politics, international relations, transnational politics, global politics, globalization.

Задача данной статьи — уточнение и соотнесение понятий «мировая политика», «международные отношения», «транснациональная политика» и «глобальная политика». Сегодня эта задача не имеет однозначного и непротиворечивого решения. Хотя все перечисленные категории предполагают обращение к схожей проблематике и соответствующие научные дисциплины имеют общие объекты анализа (распределение власти и политическое управление на миро-

¹ Шебанова Мария Андреевна – аспирант кафедры политического анализа Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Эл .почта: nowhere.now.here8@gmail.com

вом уровне, институциональные и неинституциональные субъекты власти и управления и их отношения, а также более широкий круг явлений, связанных с их взаимодействиями, среди которых важное место занимают новейшие тенденции мирового развития), они одновременно подразумевают различные, а иногда и противоположные подходы к идентификации предметной области исследования. Попытка соотнести эти понятия приводит к серьезным трудностям, поскольку в теории существует множество противоречащих друг другу трактовок. Проиллюстрируем это цитатой из утвержденной Министерством образования РФ учебной программы «Мировая политика»: мировая политика «выделяется то как более широкое понятие, чем международные отношения, то как часть международных отношений, включающая в себя только межгосударственное или, наоборот, лишь негосударственное взаимодействие на мировой арене» [6]. Такая же неоднозначность стоит за каждым из перечисленных терминов. В целом работа теоретиков в данной области несогласованна, так что довольно сложно говорить даже о некоем «мейнстриме» и полагаться на «общепринятые подходы».

Однако мы попытаемся выделить некую общность взглядов, совмещая аналитические призмы теоретиков, и рассмотрим подход к анализу мирового развития, который так или иначе устоялся на определенном этапе развития теории. В целом сложилось понимание, что международные отношения трансформировались в последние десятилетия в мировую политику (либо, что международные отношения — если этой категории условно присваивается наибольший объем — вступили в мирополитическую фазу [14], наступил постклассический этап их развития) [18]. То есть концепт мировой политики отражает новейшие тенденции мирового развития, в то время как концепт международных отношений соответствует более ранним его этапам, а в настоящее время утрачивает свою актуальность. Если международные отношения ассоциируются с вестфальской системой, то мировая политика названа поствестфальской, или постмеждународной. Наряду с перечисленными терминами используется также понятие «*новые* международные отношения», противопоставляемые *традиционным*.

Концепт новизны объединяет множество тенденций, на основе которых развивается мировая политика. Можно наблюдать довольно радикальный пересмотр принципов теории международных отношений. Ведущие российские политологи, полагаясь во многом и на концепции западных теоретиков, утверждают, что в контексте перемен последних десятилетий в теории возникла потребность разграничить предметные области исследования международных отношений (соответствующих вестфальскому порядку) и мировой политики (как области знаний, отражающей альтернативные направления его эволюции). Дискуссия по данной проблеме велась учеными в первой половине 2000-х гг. на страницах журналов «Полис» и «Международные процессы».

В основе качественного изменения мировой среды исследователи выделили два главных тренда.

Во-первых, это смена субъекта, когда в складывающейся системе принятия политических решений на мировом уровне на ведущих ролях выступают не только нации-государства, но и негосударственные участники, а также смешанные коалиции. Развиваются транснациональные отношения, выходящие за рамки и проницающие рамки межгосударственных взаимодействий. Дж. Розенау одним из первых в середине 1960-х гг. указывал на структурные изменения во взаимодействиях субъектов мировой политики в связи с ростом влияния негосударственных акторов [18]. Несколько позднее проблема субъектов отношений в поле мировой политики была рассмотрена в работе теоретиков неолиберальной школы международных отношений Дж. Ная и Р. Кохейна «Транснациональные отношения и мировая политика». Они описывали феномен транснациональной политики на основе многообразия участников отношений власти, включая ТНК, международные организации, НКО, финансовые группы и др. [17, с. 27]. Исследователи указывали на «связи, коалиции и взаимодействия, которые формируются вне зависимости от территориальных границ государства и находятся за пределами контроля со стороны центральных органов его внешней политики» [19, с. 147]. Они заявили о парадигмальном характере теории транснационализма, утверждая, что классическая государственно-центрическая парадигма международных отношений «была более полезна в прошлом», но «не отвечает требованиям современности» и еще меньше будет отвечать им в будущем [8, с. 165]. Согласно этой концепции, на которую ссылаются авторитетные российские теоретики в описании предмета мирополитического анализа, в мировой политике (т. е. на новой стадии мирового развития) важную роль играют транснациональные взаимодействия, в которых все больший вес приобретают неправительственные участники. Речь идет и о «возникновении автономных акторов с собственной внешней политикой, способных противостоять и даже посягать на политику государств» [8, с. 157]. По мнению российских политологов, «постинтернационализация политики», т. е. появление транснациональной политики, включающей отношения между различными транснациональными акторами, — это один из наиболее влиятельных векторов современного политического развития [16, с. 108]. В первую очередь ученые обращают внимание на роль ТНК. Как указывает А. Д. Богатоуров, «ТНК стали крупнейшими игроками международной политики еще в конце 60-х годов прошлого века, и по крайней мере с середины 80-х годов мысль эта для отечественных публикаций была почти банальной» [3]. М. М. Лебедева отмечает, что начиная с 1970-х гг. наблюдалось увеличение числа транснациональных акторов на мировой арене, расширение географии их деятельности. Она стала охватывать практически все сферы, включая информационную, что позволяет транснациональным сетевым СМИ, ориентированным на всемирную аудиторию, «формировать глобальную повестку дня», «включая сферу

безопасности, которая традиционно была государственной» [9]. В результате усиления нетрадиционных акторов безопасность как один из важных приоритетов, обозначенных в программах публичных политических институтов, перестает зависеть лишь от конфигурации международной системы реализма. М. М. Лебедева также указывает на «гибридизацию акторов, невозможность жесткого разделения на государственные и негосударственные акторы» в связи с «созданием различного типа партнерств государства и бизнеса, НПО и государства, бизнеса и НПО и т. п.» [9]. Аналогичный вывод делает Дж. С. Баркин в своей книге «Международные организации: теории и институты» [25].

Смена субъекта приводит также к изменению характера наднациональных структур. Термин «транснациональные», который нередко используется при их описании, означает, что они поддерживаются не только государствами, но и негосударственными участниками мирового политического процесса, возрастающая роль которых меняет принципы отношений в мировой политике. Помимо того, что негосударственные участники, и главным образом ТНК, аккумулируют значительные ресурсы, они в ряде случаев получают представительство в международных организациях. Некоторые правовые доктрины признают за ТНК статус субъектов международного права. Выдвигается концепция квазимеждународного права, или транснационального права (правовед В. М. Шумилов использует эти термины как синонимы), как системы соглашений между частными субъектами либо соглашений ТНК с государствами [23]. А. И. Неклесса указывает на упразднение межгосударственной системы к концу XX в. в связи с появлением «международных регулирующих органов нового поколения» — элитарных, а не эгалитарных. Принцип «одна страна — один голос» замещается альтернативными принципами либо неформальными процедурами принятия решений [12]. Иными словами, народы, или нации, перестают быть (и считаться) главными субъектами отношений в мировой политике.

В этом же ключе одновременно с усилением негосударственных акторов отмечается ослабление государств на мировой арене. Данная проблема широко обсуждается и российскими, и западными исследователями. Предполагается, что «государство... уже не играет столь доминирующую роль, как это было в прошлом: возросло значение транснациональных отношений в противовес межгосударственным» [7, с. 442]. Это связывается с частичной утратой контроля со стороны государств над информационной, финансовой сферами, а также правового и политического контроля в связи с расширяющимся вмешательством международных организаций в вопросы внутреннего управления государств. Развиваются идеи о «глобальном гражданстве» и о необходимости «глобального управления» в связи с появлением общих для стран проблем — в сфере экономики, экологии, военной безопасности, в вопросах о правах человека и др. Международные суды рассматривают дела государств, а также от-

дельных граждан. Политологи подчеркивают такую международно-правовую новацию, как «практика судебного преследования со стороны международных и иностранных органов правосудия отставных и даже действующих глав государств, а также иных лиц, занимающих высокие государственные посты» [12]. В результате «интенсивного размывания границ между внутренним и внешним в политической жизни» появляются возможности осуществления гуманитарных интервенций и вмешательства в дела других государств с точки зрения международного права [2]. Эти и другие процессы описываются концепцией «размягчения суверенитета» государств, которое рассматривается как нарастающий общемировой тренд [1].

Вторым ключевым фактором трансформаций признается «сжатие мира», которое усиливает возможности трансграничного влияния субъектов власти в мировом пространстве. Эта тенденция была отмечена как влекущая за собой коренные изменения в мире еще в середине XX в. [30], однако практически все ученые подчеркивают ее предельно интенсивное нарастание в современности. Данный процесс в совокупности с другими смежными процессами теории называют глобализацией.

Укажем, что сущность глобализации опять же понимается неодинаково, это понятие при углубленном анализе оказывается проблематичным и противоречивым. Если попытаться обобщить преобладающие подходы, феномен глобализации можно описать на стыке нескольких взаимосвязанных процессов последних десятилетий. Во-первых, это интенсификация интеграционных процессов, нарастание взаимосвязанности частей мирового целого, иначе говоря, уплотнение среды, или сжатие пространства-времени. Например, М. А. Чешков определяет глобализацию как «процесс сочленения различных компонентов человечества в ходе его эволюции в противоположность процессу дифференциации человечества» [20, с. 12]. Во-вторых, следствием взаимосвязанности зачастую становится и усиление взаимозависимости отдельных частей мирового целого и формирование всеобщего, глобального контекста, определяющего локальные события, которые также умозрительно включаются теоретиками в этот контекст. Так, по определению Р. Робертсона, которое широко цитируется, глобализация — это рост влияния факторов мирового значения на действительность отдельных стран [27, с. 8]. Таким образом, можно не просто констатировать цельность мира, но и говорить об обретении им «целостности». Понятие «глобализация», как правило, описывает именно модель целостного, т. е. связанного мира [20, с. 7].

На этом основании некоторые авторы идут дальше и говорят о формировании мировой системы. Р. Робертсон писал, что концепт глобализации как взаимосвязанности мира предполагает приложение модели социальной системы Т. Парсонса к мировому целому [27, с. 8]. Модель мира-системы (ее наиболее распространенную версию) еще в 1970-е гг. предложил И. Валлерстайн, и се-

годня его теория считается одной из основных теорий глобализации и одновременно предтечей глобализационных исследований [21; 29]. Для этого теоретика важно не только существование связей между обществами как элементами мира-системы, для него принципиальное значение имеет также характер этих связей, их способность влиять на структуру отдельных обществ [33, с. 3–11; 34, с. 4]. И. Валлерстайн и его последователи видят в качестве источника глобализации экономическую интеграцию. Согласно данной концепции, структура мира-системы — это структура капиталистической мир-экономики, когда отдельные общества становятся частью глобального предприятия и на основе международного разделения труда воспроизводятся отношения эксплуатации и неравенства в мировом масштабе. Некоторые другие теоретики меньше склонны к экономическому детерминизму и более обобщенно утверждают, что с наступлением глобализации «мир стал воистину единой социальной системой» [13], все большее распространение получает термин «глобальное общество» как сообщество всех людей мира. Становление глобальной системы исследователи также связывают со становлением институциональной структуры и эволюцией политических институтов, «ростом числа официальных организаций» [11]. Говорится о «глобальном переходе» как о «создании политической структуры мира... действительно во всемирном масштабе» [10, с. 101]. В целом, сторонники мир-системных теорий стоят на позиции «глобального детерминизма», объясняя частные ситуации не действиями внутренних сил стран, а внешними факторами — изменением всей мировой системы, или «системы взаимодействий между обществами» [32].

В качестве составляющей глобализационного тренда ученые также рассматривают культурную унификацию мира. Важно подчеркнуть, что культура здесь понимается предельно широко и включает все формы жизнедеятельности человека, в том числе политической организации обществ, экономического уклада, системы ценностей (которая, по сути, является основой социальных взаимодействий) и др. Унификация представляется как следствие усиления взаимосвязанности и взаимозависимости обществ, и одновременно как предпосылка интеграционных процессов. Как обобщенно отмечает А. Д. Богатуров, «в 90-х годах универсальным инструментом уплотнения среды стало нарастание ее финансово-экономико-информационной однородности» [3]. Описывая данную тенденцию, исследователи, как правило, не просто говорят об универсализации различных культурных образцов, но подчеркивают особый характер и направленность этого процесса. Например, Э. Гидденс подразумевает под глобализацией универсализацию национального государства современного типа как политической формы и универсализацию капиталистической системы производства как системы производства благ. Ученый считает глобализацию последствием распространения модернити и называет ее поздней современностью [26, с. 176]. Одной из наиболее популярных версий унификации

мира является американизация, или шире, вестернизация, т. е. продвижение культурных и ценностных стандартов Запада [см. 5].

В общем русле глобализационного тренда также рассматриваются транснациональные процессы. Исследователи выделяют группу транснациональных теорий глобализации, описывающих этот феномен как продукт резкого роста трансграничных социальных практик и связей [29]. Теоретики современного транснационализма утверждают, что глобализация и транснационализация — это взаимосвязанные процессы, которые формируют и подпитывают друг друга [28].

В целом все описанные процессы рассматриваются теоретиками как взаимосвязанные и взаимообусловленные. В частности, тенденция смены субъекта как признак формирования транснациональной политики одновременно описывается как составляющая процесса глобализации. Также отмечается, что прозрачность границ обуславливает взаимозависимость обществ, «побуждает государства все активнее реагировать на происходящие в других странах события», особенно если они связаны с конфликтами или проблемами [10, с. 102]. Кроме того, исследователи указывают, что распад «географических границ социальных и культурных систем» одновременно ведет к культурной унификации [35, с. 3] и т. д.

Итак, мировая политика описывается многими авторами как глобальная, а глобализация — как условие становления мировой политики. К примеру, П. А. Цыганков полагает, что исторически мировая политика «возникает позже международных отношений» и что «последние должны были пройти ряд этапов в развитии, достигнуть зрелости, приобрести характер системности». Усиление взаимозависимости автор считает важнейшей характеристикой новой модели мира, а кульминационным этапом этого процесса — глобализацию, которую он понимает как сжатие пространства и времени, ставшее возможным вследствие развития информационных технологий. Автор заключает, что «именно глобальное измерение лежит в основе тех процессов, которые принято называть мирополитическими». По его мнению, «термин «мировая политика» указывает на всеохватность обозначаемых им явлений и процессов... которые происходят на уровне глобального развития», говорит «о взаимном влиянии глобальных процессов и изменениях странового, локального и регионального характера» [18]. Другой теоретик, А. Д. Богатуров, высказывает схожее суждение о том, что «становление мировой политики связано с тенденцией к уплотнению международной среды и повышению ее проницаемости для импульсов влияния, которые участники международного общения посылают друг другу» [3]. Многие авторы сходятся в оценке, что в результате «интенсификации интеграционных процессов... возникли социальные отношения вселенского, всемирного масштаба, принципиально отличающиеся от «международных отношений»» [13]. Понимание глобализирующегося мира

как постмеждународного характеризует высказывание бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана на «саммите тысячелетия» о том, что «послевоенные институты создавались под международный мир, а мы сейчас живем в мире глобальном» [цит. по 4]. Ученые же еще в первой половине 1990-х гг. противопоставляли международный порядок глобальному и рассматривали концепт глобального общества как более релевантный для понимания мировой политики, нежели модель международного общества [31].

Таким образом, в описанной символической системе мировая политика, которая является транснациональной и глобальной, вытесняет, замещает собой международные отношения либо характеризует новую стадию их эволюции. Становление мировой политики как новой фазы мирового развития на основе описанных тенденций смены субъекта, а также других процессов, объединяемых концептом глобализации, предполагает слияние «миров» внешних и внутренних политик разных стран в некой нерасчлняемой сфере «единого мирового политического» [3].

На основе анализа теорий глобализации можно заключить, что понятие «глобальная политика», если его употреблять в строго научном, а не переносном значении, должно подразумевать политику в едином, целостном мире-системе. (Хотя нередко из контекста понятно, что слово «глобальное» употребляется не как научный термин, не подразумевая всей сложности проблематики глобалистики, а лишь указывая на масштаб феноменов). Как было показано, перечисленные нами свойства глобальности, которые описывают ученые, переносятся ими и на понятие мировой политики. Однако это не вполне оправдано. Во-первых, такой подход, по сути, приводит к появлению дублирующих друг друга терминов. Во-вторых, концепт глобализации крайне проблематичен, чтобы опосредовать столь фундаментальные понятия (нет единства ни в идентификации ключевого процесса, определяющего сущность глобализации, ни в обозначении ее хронологических рамок). Кроме того, в ряде исследований сегодня говорится об «откате глобализации» [24]. Наблюдаются тенденции разобщения мира. Некоторые авторы утверждают, что отношения власти и управления в мире не только не имеют системного характера и не образуют единой глобальной структуры [1, с. 226], но и, напротив, «мир на глазах теряет былую устойчивость» [2], растет «уровень хаотизации мировых порядков», наблюдается несогласованность действий различных участников трансграничных процессов [15, с. 19]. Должно ли это свидетельствовать об «откате» мировой политики? Вряд ли кто-либо из теоретиков согласится с таким утверждением.

Науке требуется достаточно емкое понятие мировой политики, которое не будет сводиться лишь к актуальным тенденциям мирового развития, постоянно меняющим свои векторы. Как мы показали, оно вводится в научный оборот, чтобы обозначить явления, выходящие за рамки межгосударственной

системы, и во многом строится на оппозиции к классическим представлениям политического реализма. Использование этого концепта отражает понимание того, что политическая сфера не сводится к международным отношениям (содержание которых, по образному выражению Р. Арона, составляют отношения солдат и дипломатов), она гораздо шире и гораздо сложнее по своей структуре. Важную роль в ней играют транснациональные отношения с участием неправительственных субъектов управления и власти. Это стало особенно очевидно в контексте современных процессов, описанных в теориях глобализации. Однако транснациональные взаимодействия не замещают собой межгосударственные, а дополняют их. Поэтому политическим реалиям нашего мира в большей степени соответствует не представление о трансформации международных отношений в мировую политику, а модель, предложенная Дж. Розенау, которая описывает раздвоение мировой политики на сферу международных (межгосударственных) отношений и транснациональную, образуемую отношениями акторов вне суверенитета [18].

Более того, это раздвоение не является чем-то новым, что можно противопоставить традиционному — дихотомия «новое — традиционное» ошибочно рассматривается в основе соотношения мировой и международной либо транснациональной и международной политики. Историю мировой политики можно представить как эволюцию двойственного мира, описанного Дж. Розенау. Анализ прошлых эпох показывает, что в современных транснациональных структурах можно увидеть развитие тех форм социальной организации, которые существовали ранее [22]. Поэтому глобализацию следует рассматривать не как необходимое условие, а как фактор усиления транснационального доминирования, обретающего новые качества и новые масштабы. Таким образом, транснациональная политика, как и международные отношения, выступает отдельной сферой мировой политики, эволюционирует вместе с ней на протяжении всей истории человеческих обществ. На определенном этапе истории мировая политика может быть охарактеризована как глобальная — это будет зависеть от подхода исследователя к пониманию глобальности и глобализации.

Библиографический список

1. *Баталов Э. Я.* Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: РОССПЭН, 2005.
2. *Баталов Э. Я.* Предмет философии международных отношений. URL: <http://www.intertrends.ru/four/001.htm>
3. *Богатуров А. Д.* Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе. URL: <http://intertrends.ru/four/002.htm>
4. *Дергачев В. А.* Глобалистика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
5. *Иноземцев В. А.* Вестернизация как глобализация и глобализация как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4.

6. *Козлов Л.Е.* Мировая политика: учебная программа. URL: http://abc.vvsu.ru/Books/mirovaia_politika/page0001.asp
7. *Кохейн Р.О.* Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999.
8. *Кохэн Р.О., Най Д.С.* Транснациональные отношения и мировая политика // Теория международных отношений: хрестоматия. М.: Гардарики, 2002.
9. *Лебедева М.М.* Мировая политика и предметное поле дисциплины // Мировая политика в условиях кризиса. М.: Аспект Пресс, 2010.
10. *Лебедева М.М.* Мировая политика: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2007.
11. *Модельски Дж.* Эволюция глобальной политики (I) // Полис. 2005. № 3.
12. *Неклесса А.И.* Управляемый хаос, движение к нестационарной системе мировых связей. URL: <http://archipelag.ru/geoeconomics/osnovi/universe/chaos/>
13. *Осипова Н.Г.* Социологическое осмысление феномена глобализации: основные теоретические подходы // Ломоносовские чтения, 2006. URL: <http://lib.socio.msu.ru>
14. Системная история международных отношений. 1918–2003. М.: НОФМО, 2003. Т. 3.
15. *Соловьев А.И.* Глобальная власть и глобальное управление // Глобальное управление. М.: ИНФРА-М, 2007.
16. *Торкунов А.В.* Современные международные отношения и мировая политика: учебник. М.: Просвещение, 2005.
17. *Цыганков П.А.* Международные отношения: учеб. пособие. М.: Новая школа, 1996.
18. *Цыганков П.А.* Мировая политика и ее содержание. URL: <http://www.intertrends.ru/seventh/005.htm>
19. *Цыганков П.А.* Политическая наука за рубежом. Транснационализм в науке о международных отношениях: вклад Джозефа С. Ная (мл.) и Роберта О. Кохейна // Теория международных отношений: хрестоматия. М.: Гардарики, 2002.
20. *Чешков М.А.* Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005.
21. *Чешков М.А.* Глобалистика: предмет, проблемы, перспективы // Общественные науки и современность. 1998. № 2.
22. *Шебанова М.А.* Исторические формы транснациональной экономики и политики // Полития. 2011. № 4.
23. *Шумилов В.М.* Международное экономическое публичное право. М.: НИМП. 2001.
24. *Яковец Ю.В.* Откат глобализации и трансформация мировой экономики // Международная жизнь. 2009. № 8.
25. *Barkin S. J.* International Organization: Theories and Institutions. Palgrave Macmillan, 2006.
26. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
27. *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. Thousand Oaks, CA: Sage, 1992.
28. *Robinson W. I.* Beyond the theory of imperialism: global capitalism and the transnational state. URL: http://www.soc.ucsb.edu/faculty/robinson/Assets/pdf/beyond_imperialism.pdf

29. *Robinson W.I.* Theories of Globalization // ed. Blackwell Companion to Globalization. George Ritzer. London: Blackwell, 2007.
30. *Rosenau J.* Turbulence in World Politics. New York: Harvester Wheatsheaf, 1990.
31. *Shaw M.* Global society and international relations: sociological concepts and political perspectives. Cambridge, UK: Polity Press, 1994.
32. *Terlouw K.* Is the World-System Approach Just a Global perspective? // Journal of World-Systems Research. 1995. Vol. 1, № 20.
33. *Wallerstein I.* The modern world-system: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. New York: Academic Press, 1974.
34. *Wallerstein I.* The capitalist world-economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
35. *Waters M.* Globalization. London; New York: Routledge, 1995.